

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.8.41>

Иванов Дмитрий Игоревич

АФФЕКТИВНО-ДЕСТРУКТИВНАЯ МОДЕЛЬ БУНТА-РАЗГУЛА "БОЛЬНОЙ" РУССКОЙ ДУШИ В ТВОРЧЕСТВЕ К. КИНЧЕВА

В статье с точки зрения оригинальных авторских метадисциплинарных теорий синтетической языковой личности (СЯЛ) и когнитивно-прагматических программ (КПП) показано, что "героическая" модель сознания / КПП рок-поэта К. Кинчева в действительности является опытом бессмысленного саморазрушительного бунта. Воспроизводя когнитивную модель А. Башлачева, К. Кинчев продуцирует не спасительный "прорыв к свободе", а деструктивно-аффективные состояния: непреодолимой любви-ненависти; "гармонизации" сознания путем "растворения" своего "сущностного я", чаще всего через беспробудное пьянство; обреченности и ощущения приближающейся трагической развязки. Добро здесь оборачивается злом, жизнь - смертью, истина - ложью, вера - безверием; устремления к духовному возрождению личности, свободе, справедливости, искренности превращаются в аффективные иллюзии.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2019/8/41.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 8. С. 206-209. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2019/8/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 81.1; 008:361

Дата поступления рукописи: 20.06.2019

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.8.41>

В статье с точки зрения оригинальных авторских метадисциплинарных теорий синтетической языковой личности (СЯЛ) и когнитивно-прагматических программ (КПП) показано, что «героическая» модель сознания / КПП рок-поэта К. Кинчева в действительности является опытом бессмысленного саморазрушительного бунта. Воспроизводя когнитивную модель А. Баишачева, К. Кинчев продуцирует не спасительный «прорыв к свободе», а деструктивно-аффективные состояния: непреодолимой любви-ненависти; «гармонизации» сознания путем «растворения» своего «сущностного я», чаще всего через беспробудное пьянство; обреченности и ощущения приближающейся трагической развязки. Добро здесь оборачивается злом, жизнь – смертью, истина – ложью, вера – безверием; устремления к духовному возрождению личности, свободе, справедливости, искренности превращаются в аффективные иллюзии.

Ключевые слова и фразы: когнитивно-прагматическая программа (КПП); «героическая» модель; деструктивные контрсуггестивные стратегии; аффективные состояния; саморазрушительный бунт.

Иванов Дмитрий Игоревич, к. филол. н., доцент

Институт русского языка Сианьского университета иностранных языков,

Китайская Народная Республика

Ivan610@yandex.ru

АФФЕКТИВНО-ДЕСТРУКТИВНАЯ МОДЕЛЬ БУНТА-РАЗГУЛА «БОЛЬНОЙ» РУССКОЙ ДУШИ В ТВОРЧЕСТВЕ К. КИНЧЕВА

Системообразующие аспекты творчества одного из главных представителей отечественной рок-культуры (очень репрезентативного для нее, но недостаточно изученного в когнитивно-прагматическом плане, что обеспечивает **актуальность** нашей работы) рассматриваются нами в русле оригинальных авторских метадисциплинарных теорий *синтетической языковой личности (СЯЛ) и когнитивно-прагматических программ (КПП)*, получивших последовательную разработку в целом ряде исследований [3; 4]. СЯЛ включает в себя различные компоненты и уровни, что позволяет прочитывать многоплановый феномен художника как единый *текст субъекта в культуре*; в свою очередь, за архитектонику и смысл этого текста отвечает КПП – целостная динамическая система когнитивно-прагматических установок субъекта, задающая основные параметры того, что впоследствии – для читателей, зрителей, критики и пр. *субъектов-интерпретаторов* – предстает как жизнетворческий «текст судьбы», «автобиографический миф» и т.д. Использование оригинальных авторских теорий «полного цикла» (от методологии до терминологического аппарата), дающих новый результат, обеспечивает **научную новизну** исследования.

Константин Кинчев – яркий пример т.н. логоцентрической модели СЯЛ, актуализация которой произошла в «героическую» эпоху русского рока [4]. Рок-поэт как субъект-логоцентрик – это романтический по типуажу герой, пророк, «шаман», бросающий бескомпромиссный по духу и глобальный по сути вызов «системе», борец за духовную свободу. Он нередко абсолютизирует свое когнитивное целеполагание, игнорирует неизбежные противоречия до тех пор, пока не попадает в туник. Именно так тотальное «героическое» противостояние рок-культуры и советского государства быстро превратилось в деструктивно-разрушительный «героический» бунт и ментально-когнитивный кризис самих «апостолов свободы», из которого далеко не все выбрались живыми. **Задача** нашего исследования – проследить, каким образом возникает в сознании/подсознании К. Кинчева эта личностная аффективно-деструктивная модель.

В программных композициях лидера группы «Алиса» нетрудно обнаружить «логоцентрическую» бескомпромиссность («Да, я сам взорвал свой мост... Компромисс не для нас!» [8]), желание получить всё и сразу, невзирая на цену, которую придется заплатить («Завтрашний день будет потом. / Все, что нам нужно, нам нужно сейчас!» [10]), бунт и войну как основные «когнитивные инструменты» достижения поставленной цели («Больно жгучи речи – Бой не за горой» [13]).

Поскольку на первом этапе моделирования своей КПП, реализующейся в пространстве контркультурной эпохи русского рока, сознание К. Кинчева работает по «деструктивно-героической» модели, основанной на принципах отрицания, разрушения традиций и стереотипов мышления, система контрсуггестивных аффектов, «противоречащих традиции и стремящихся к созданию если не прорыва, то новой области свободы» [16, с. 191], становится в его сознании доминирующей. На этом этапе К. Кинчев просто не в состоянии определить, что его «героическая» модель сознания / КПП, оформляющая стремление протестно, контрсуггестивно преодолеть негативную позднесоветскую идентичность, в действительности является опытом бессмысленного саморазрушительного бунта. Волевые и аналитические компоненты его сознания нейтрализованы. Именно поэтому он продолжает убеждать себя и субъекта-интерпретатора (слушателя-зрителя) в верности выбранного пути.

Однако на закате «героической» эпохи К. Кинчев всё острее начинает подсознательно ощущать, что целостность выстроенной им КПП – это всего лишь искусственно созданная, прерывистая цепочка разрозненных концептуально-смысловых разрывов. Чувства и мысли поэта противоречат друг другу. Сакрализованное поэтическое слово, которое должно было стать источником духовной силы-возрождения-свободы, овеществляется, стереотипизируется и превращается в затертый, обезличенный штамп («Звук, которым когда-то

был крик, / в рот набрал воды и прикусил язык» [6]), а все действия бессмысленны и безрезультатны. Наиболее ярко это деструктивно-аффективное состояние выражено в композиции «Сумерки»: «...То ли молимся, то ли блюем. / Купола в России кроют корытами, / Чтобы реже вспоминалось о Нем. <...> Мы, такие чистые да гордые, / Все пели о душе, да все плевали в нее» [12].

Однако поэт, несмотря ни на что, продолжает свое «героическое» аффективно-деструктивное шествие. Поклоняясь Солнцу – своему любимому языческому Богу, несущему «и свет и тьму, и радость и боль, и рождение и уничтожение» [7] («Пока земля не заставит нас спать, мы будем босиком танцевать по углям, / Но всё же летать. / Солнце за нас!» [11]), он отстаивает истинность своего пути и убеждает тех, кто рядом с ним, что из «созданной» им пустоты рождается жизнь и свет: «Я один из тысяч в движении ко дну, в танце суматошного дня. / Я толком никогда не глядел в пустоту, и пустота взгляделась в меня, / Из вранья был слеплен почестей ком, матом урезонили шах» [9].

В результате он «достигает дна» / критической «точки невозврата», за которой нет ничего, кроме духовной/физической смерти. Тотальная абсолютизация абсурдно-сакрализованной идеи самоуничтожения заставляет К. Кинчева пережить глубокий аффективный шок – в данном случае это альтернативный вариант экзистенциального кризиса, результатом которого становится непреодолимое ощущение приближающейся гибели. «Смерть» поэта очищает его сознание и позволяет освободиться от ложных искаженных и обезличенных формул моделирования своего «сущностного я». Происходит процесс своеобразной «перезагрузки» и очищения сознания. Всё это дает К. Кинчеву возможность посмотреть на себя со стороны и «увидеть», что в опустошенной душе, лишенной веры, нет жизни. Искреннее, покаянное принятие этой мысли активизирует в сознании поэта своеобразный «защитный механизм». Сущность данного механизма состоит: а) в резком снижении деструктивного напряжения, парализующего сознание поэта; б) смене его ментально-когнитивного статуса. При этом деструктивные импульсы не исчезают, а переводятся в активно-пассивный режим функционирования. Смена режима приводит к тому, что деструктивное уступает место конструктивному. Доминирующим становится чувство «возрождения» / освобождения от иллюзий (конструктивно-суггестивный аффект).

Важно, что в этот момент суггестивная стратегия продолжает функционировать. Меняется только вектор развития сознания и концептуально-смысловое ядро КПП: деструктивные контрсуггестивные стратегии («битва за жизнь» / «жизнь ради битв» – «бытие-к-смерти») трансформируются в конструктивную суггестивную стратегию («битва за бессмертие собственной души» – «бытие-к-Богу»). При этом аффективность сознания поэта остается неизменной (место деструктивного аффекта занимает аффект конструктивный).

Трансформация деструктивных контрсуггестивных стратегий в конструктивную – предмет отдельного исследования, здесь же уточним сущность первых. Показателен небольшой фрагмент песни «Ветер перемен»: «Я не хочу пожара, / Но огонь уже зажег, / Я стою на самом краю. / Но пока держусь. <...> Ветер больших перемен / Дует на восток. / Я чувствую начало конца, / Чувствую ток. / Шок!» [5].

Уже в первых строчках раскрывается специфика процесса активизации деструктивного контрсуггестивного аффективного состояния сознания К. Кинчева. Сам поэт называет его «пожаром», «огнем». Важно, что «переход» аффективного состояния в активный режим функционирования происходит автоматически. Лирический субъект этот процесс не контролирует: пламя саморазрушительного деструктивного аффекта разгорается в душе поэта против его воли. Своеобразным внутренним ментальным катализатором аффективного псевдоконструктивного состояния является принципиальная двойственность (противоречивость) русской души. «Разорванность» сознания подавляет когнитивные интенции личности поэта, замедляя, а затем и полностью блокируя волевые и аналитические процессы. В результате сознание К. Кинчева наполняется хаотичным гулом наслаивающихся друг на друга псевдоконструктивных психоэмоциональных состояний.

Достаточно четко сущность данного процесса сумел выразить А. Башлачев в композиции «Ванюша». Перед нами возникает целый ряд концептуально-смысловых кодов, фиксирующих различные формы и аспекты реализации деструктивного контрсуггестивного аффективного состояния русского сознания/само-сознания: а) «Водись с любовью! Любовь, Ванюха, / Не переводят единым духом. / Возьмет за горло – и пой, как сможешь, / Как сам на душу свою положишь»; б) «Да будет водка горька от пота!»; в) «Шальное сердце руби в крошку! / Рассыпь, гармошка! Скользи, дорожка! / <...> А кровь играет! Душа дороги не разбирает» [1, с. 116-118] – и др.

В основе генетической, когнитивно-ментальной связи КПП А. Башлачева и К. Кинчева лежит единое представление о концептуально-смысловой сущности искусства как сакрально-теургического акта, основанного на принципах «бытия-в-естестве» и «бытия-для-естества». Оба поэта в равной степени отрицают любые искусственно созданные, симулятивно-спекулятивные формы творческого самовыражения. Это связано с тем, что каждый подобный бессмысленный и бесцельный «творческий акт» в действительности является всего лишь псевдокреативной, псевдоестественной идейно-смысловой фикцией, «порожденной»-сконструированной ради самой себя.

Представим для примера два характерных высказывания. **А. Башлачев:** «Коммерческая музыка, намеренное выколачивание денег из своего инструмента – это называется превращением цели в средство... *нелзя петь одно, а жить по-другому. <...> Каждую песню надо оправдать жизнью. <...> Если это – естество, скажем так, то это должно быть живым* (курсив наш. – Д. И.)» [2, с. 383-384]. **К. Кинчев:** «Рок-н-ролл – это такая “запутка” со всей внешней атрибутикой, связанной с сатанизмом... Поэтому вырваться отсюда к Богу очень сложно, потому что ты постоянно пребываешь в страстях, а все страсти от лукавого... Почему вообще искусство называется искусством? Это тоже бесовская тема. *Искусство – это “искус-творение”, а искусителем является Дьявол... Поэтому, оставаясь в так называемом “искусстве”, нужно менять его корневую основу и становиться “естествотворителем”* (курсив наш. – Д. И.)» [17].

Не случайно аффективно-деструктивная модель безудержного, бесконтрольного, саморазрушительного бунта-разгула «мутной», «больной» русской души, представленная А. Башлачевым, полностью воспроизводится К. Кинчевым в композиции «Шабаш», посвященной памяти Башлачева (Кинчев очень тяжело переживал его трагическую гибель): «А жили жадно – / Так, словно к рассвету расстрел. / Расстрел! / Транжирили руду не попадая, / Любви ведро / Делили с прорвою, / Роднились с пивками / И гнезда вили в петлях виселиц. / <...> Христос с тобой, / Великий каверзник! / стакан с тобой, / Великий трезвенник! / Любовь с тобой, / Великий пакостник!» [14].

Отдельно необходимо сказать о том, что неконтролируемый процесс активизации контрсуггестивного режима функционирования сознания К. Кинчева, основанный на духовных противоречиях (внутренний катализатор), усиливается катализатором внешним. В данном контексте речь идет о революционно-героической (псевдоконструктивной) энергетике социокультурной среды (реальности, в которой существует поэт). Эпоха «героических восьмидесятых» («золотое время» русского рока), блокирующая конструктивно-аффективные суггестивные импульсы, стала символом деструктивизма и обреченности: целый ряд смертей, порою странных, распад многих групп, тяжелые формы жизненного и творческого кризиса [15, с. 37].

Итак, обобщим специфику основных деструктивных контрсуггестивных аффективных состояний русского сознания, актуализированных в текстах А. Башлачева и К. Кинчева.

Первое аффективное состояние – надрывное чувство-состояние удушающей, недостижимой и непреодолимой аффективной любви-ненависти: «Возьмет за горло – и пой, как сможешь, / Как сам на душу свою положишь» (А. Башлачев); «Транжирили руду не попадая, / Любви ведро / Делили с прорвою», «Любовь с тобой, / Великий пакостник!» (К. Кинчев).

Второе аффективное состояние – подсознательное стремление к гармонизации сознания путем «растворения» своего «сущностного я» в оглушающе-аффективном гуле-плаче души. Заметим, что основным инструментом «гармонизации» становится беспробудное пьянство: «Да будет водка горька от пота!» (А. Башлачев); «стакан с тобой, / Великий трезвенник!» (К. Кинчев). В результате возникает парадоксальная ситуация. Ментальный контрсуггестивный (естественный, внутренний) и алкогольный (искусственный, внешний) аффекты накладываются друг на друга, доводя степень дисгармонизации сознания до предела: душа поэта «ослепленна» и «оглушена», а тело отравлено алкоголем. Однако душа поэта всё еще жива. Символическим знаком ее присутствия становится беззвучный плач.

Третье аффективное состояние – обреченность и ощущение приближающейся трагической развязки, сущность которой предопределена: «Шальное сердце руби в крошку! <...> Душа дороги не разбирает» (А. Башлачев); «А жили жадно – / Так, словно к рассвету расстрел» (К. Кинчев). Закономерным итогом тотального саморазрушительного бунта, «ослепленной души» является псевдогероическая смерть (расстрел) или самоубийство, обрекающие, по христианским канонам, душу поэта на вечные мытарства. Иллюзорное аффективно-деструктивное ощущение обреченности постепенно разрастается. Обреченность подчиняет себе все остальные чувства-действия поэта, нейтрализуя их конструктивную активность. При этом сам процесс блокировки чувственно-эмоциональной зоны сознания личности активизируется автоматически и включает в себя два основных этапа.

На первом этапе деструктивный аффект «переводит» чувства и эмоции живого человека в инстинктивный режим функционирования, характеризуемый бессознательностью стоящего за действием психологического мотива, превращая их в обезличенные автоматизированные реакции. На втором – блокирует базовые человеческие инстинкты, ключевым из которых является инстинкт самосохранения. «Исчезновение» (нейтрализация) чувства страха / инстинкта самосохранения приводит к тому, что единственным «аккумулятором» сознания / души поэта становится сам аффект. Соответственно, «обезличенная обреченность» получает статус ключевого, системообразующего компонента русской души. «Рубленное в крошку шальное сердце», стремление «жить жадно», неспособность найти верный путь и идентифицировать свое «сущностное я» – всё это искаженно-аффективные формы самой обреченности, под мифодеструктивным воздействием которой позитивные и негативные категории сознания русского человека сливаются.

Итак, настаивая в своем «пути к свободе», на программном «героическом» отрицании, разрушении шаблонов, рок-поэт на самом деле активизирует систему контрсуггестивных аффектов, доминирование которой ведет к абсолютизации «негатива» и самоуничтожения, «раскачиванию» между деструктивно-аффективными состояниями, невозможности достичь исковой цели. В итоге в рамках данной модели добро оборачивается злом, жизнь – смертью, истина – ложью, вера – безверием; устремления к духовному возрождению личности, свободе, справедливости, искренности превращаются в аффективные иллюзии.

Список источников

1. Башлачев А. Ванюша // Наумов Л. Александр Башлачев. Человек поющий. СПб.: Амфора, 2010. С. 116-118.
2. Башлачев А. Интервью Борису Юханову и Алексею Шипенко для спектакля «Наблюдатель» // Наумов Л. Александр Башлачев. Человек поющий. СПб.: Амфора, 2010. С. 381-417.
3. Иванов Д. И. Теория когнитивно-прагматических программ / Гуандунский ун-т междунар. исследований (Китай). Иваново: ПресСто, 2019. 312 с.
4. Иванов Д. И. Теория синтетической языковой личности: в 2-х т. / Гуандунский ун-т междунар. исследований (Китай). Иваново: ПресСто, 2017. Т. 1. Логоцентрическая модель синтетической языковой личности: структура и общие вопросы (на материале русской рок-культуры). 360 с.
5. Кинчев К. Ветер перемен [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lyricsshare.net/ru/alisa-konstantin-kinchev/veter-peremen-accords.html> (дата обращения: 19.06.2019).

6. **Кинчев К.** Земля [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lyricshare.net/ru/alisa-konstantin-kinchev/zemlya.html> (дата обращения: 19.06.2019).
7. **Кинчев К.** Интервью в Сочи, 1988 [Электронный ресурс]. URL: https://gsong.ru/download/IzsEgiNjEWNfYIXSNqerwq_konstantin-kinchev-alisa-intervyu-v-sochi-1988.html (дата обращения: 22.04.2019).
8. **Кинчев К.** Компромисс [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lyricshare.net/ru/alisa-konstantin-kinchev/kompromiss.html> (дата обращения: 19.06.2019).
9. **Кинчев К.** Моя война [Электронный ресурс]. URL: https://iomedix.com/к_кинчев/моя_война/ (дата обращения: 19.06.2019).
10. **Кинчев К.** Смутные дни [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lyricshare.net/ru/alisa-konstantin-kinchev/smutnyie-dni.html> (дата обращения: 19.06.2019).
11. **Кинчев К.** Солнце за нас [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lyricshare.net/ru/alisa-konstantin-kinchev/solnce-zapas.html> (дата обращения: 19.06.2019).
12. **Кинчев К.** Сумерки [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lyricshare.net/ru/alisa-konstantin-kinchev/sumerki-accords.html> (дата обращения: 19.06.2019).
13. **Кинчев К.** Чую гибель [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lyricshare.net/ru/alisa-konstantin-kinchev/chuyugibel.html> (дата обращения: 19.06.2019).
14. **Кинчев К.** Шабаш [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lyricshare.net/ru/alisa-konstantin-kinchev/shabash.html> (дата обращения: 19.06.2019).
15. **Кормильцев И., Сурина О.** Рок-поэзия в русской культуре: возникновение, бытование, эволюция // Русская рок-поэзия: текст и контекст. 1998. № 1. С. 11-39.
16. **Лепехин Н. Н., Проганская Е. С.** Суггестология в контексте культурогенеза как научное направление // Верхневолжский филологический вестник. 2018. № 4. С. 186-194.
17. **Сологуб И.** Интервью с К. Кинчевым в рамках авторской программы «На дороге» («5 канал») [Электронный ресурс]. URL: <https://yandex.ru/video/search?p=4&filmId=11735209656309051963&text=кинчеввсеинтервью> (дата обращения: 17.05.2019).

AFFECTIVE-DESTRUCTIVE MODEL OF REBELLION-REVELRY OF THE “SICK” RUSSIAN SOUL IN K. KINCHEV’S CREATIVE WORK

Ivanov Dmitrii Igorevich, Ph. D. in Philology, Associate Professor

*Institute of the Russian Language of Xi’an International Studies University, People’s Republic of China
Ivan610@yandex.ru*

From the point of view of the original author’s meta-disciplinary theories of synthetic linguistic personality and cognitive-pragmatic programs, the article shows that the “heroic” model of consciousness / cognitive-pragmatic programs of the rock poet K. Kinchev is actually an attempt of senseless self-destructive rebellion. Reproducing A. Bashlachev’s cognitive model, K. Kinchev produces not salvational “breakthrough to freedom”, but destructive and affective states: irresistible love-hate; “harmonization” of consciousness by “dissolution” of one’s “essential self”, most often through unrestrained drinking; doom and the feeling of impending tragic outcome. Good turns into evil here, life – into death, truth – into lie, faith – into disbelief; aspirations for an individual’s spiritual revival, freedom, justice, sincerity turn into affective illusions.

Key words and phrases: cognitive-pragmatic program; “heroic” model; destructive counter-suggestive strategies; affective states; self-destructive rebellion.

УДК 81’373.46=111=161.1=161.2:579

Дата поступления рукописи: 25.06.2019

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.8.42>

Статья отражает результаты изучения семантической организации терминов сельскохозяйственной и почвенной микробиологии в английском, украинском и русском языках. В ходе исследования были выявлены интегральные признаки в значениях терминов и сформированы лексико-семантические группы. Автор рассмотрел и изучил состав, структуру и системные отношения внутри каждой из подгрупп, составляющих самую многочисленную лексико-семантическую группу «Процесс» подъязыка сельскохозяйственной и почвенной микробиологии в заявленных языках. Также были выявлены системные отношения, такие как ретерминологизация и межотраслевая полисемия, синонимия, в каждой из подгрупп.

Ключевые слова и фразы: лексико-семантическая группа; лексико-семантический вариант; термин; термин-система; подъязык; сельскохозяйственная и почвенная микробиология; дефиниция; интегральный базовый признак.

Кислухина Марина Викторовна, к. филол. н.

*Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, г. Симферополь
29ktnv@mail.ru*

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ЛЕКСИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА ТЕРМИНОВ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ И ПОЧВЕННОЙ МИКРОБИОЛОГИИ В АНГЛИЙСКОМ, УКРАИНСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Постановка проблемы. В современной лингвистике наблюдаются разные аспекты описания лексической системы, однако определённых спорных вопросов, касающихся систематизации лексического пространства, с течением времени не становится меньше.